

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
2 (64-65)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 5 6

ИЗ ОБЛАСТИ СЕМИТСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В 30-х годах по инициативе и под руководством акад. И. Ю. Крачковского было начато систематическое изучение арабского населения Средней Азии. В результате ряда экспедиций, проведенных в 1936, 1938, 1943 и 1944 гг., советским арабистам удалось установить: 1) что среднеазиатские арабы местами сохранили свой родной язык; 2) что сохранившие свой родной язык арабы проживают в Бухарской и Кашкадарьинской областях Узбекской ССР; 3) что бухарские и кашкадарьинские арабы говорят на диалектах, резко отличающихся друг от друга; 4) что эти диалекты (бухарский и кашкадарьинский) являются самостоятельными арабскими диалектами и, вследствие особых условий бытования, сохранили много архаичных черт; 5) что наряду с родным языком среднеазиатские арабы сохранили также образцы своего самобытного народного творчества и следы очень древних обычаев. Вновь открытые арабские диалекты имеют значение не только для арабской диалектологии и истории арабского языка. Они не менее важны и для разрешения некоторых, до сих пор еще не выясненных вопросов общесемитского языкознания и особенно для сравнительной грамматики семитских языков и семитской лексикографии. В настоящей работе делается попытка при помощи собранных у среднеазиатских арабов материалов объяснить ряд древнесемитских слов и выражений, смысл которых все еще продолжает оставаться неясным.

1. 'aqrabbīm (I Regum, 12: 11, 14)

В 12-й главе Первой книги царей повествуется, что, когда израильтяне пришли в Сихем, чтобы возвести на царство сына почившего царя Соломона — Ровоама, они обратились к последнему со следующими словами: „Отец твой наложил на нас тяжкое иго; ты же облегчи ныне жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое он наложил на нас, и тогда мы будем служить тебе“. Ровоам же, посоветовавшись с молодыми людьми, которые росли вместе с ним и которые окружали его, так ответил народу: „Отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами (šōṭīm), а я буду

наказывать вас скорпионами ('aqrabbīm)". По преданию, это послужило поводом к распадению израильского царства.

Приведенное в тексте слово 'aqrabbīm не имеет до сих пор сколько-нибудь удовлетворительного объяснения. В сирийском переводе Библии, Pēšittā, это слово передается через , в западноарамейском переводе, Targūm Jōnātān,— через , что происходит от греч. μάρτυνα' „бич“, „плеть“. Но при таком переводе, слова šōfīm и 'aqrabbīm в ответе Ровоама оказываются равнозначными.

Ефрем Сирий также переводит 'aqrabbīm через , но дает при этом следующее объяснение, которое в латинском переводе гласит: „Verberis genus est. Corium nempe intestini speciem referens, arena fartum, & aculeis armatum“.¹ Гезениус толкует это слово так: flagelli genus globulis plumbeis cum aculeis incurvis munitum, a scōrpii similitudine dictum“.² Тениус отдает предпочтение объяснению Ефрема Сирина, считая, что оно определенно указывает на „Sachkenntniss“.³

Ни Гезениус, ни другие авторы никаких оснований для своих объяснений не приводят. И совершенно прав по этому Ценпфунд, который писал в этой связи: „До сих пор еще нет ясного представления о том орудии, которым Ровоам угрожал. Объяснение — «узловатые, покрытые шипами дубинки» или рассказ Ефрема о кишкообразных, кожаных, набитых песком и снабженных острями орудиях пытки... способствуют лишь тому, чтобы вопрос о природе того орудия окончательно запутать“.⁴

Однако и толкование, которое предлагает Ценпфунд на основании сопоставления библейского 'aqrabbīm с ассиро-вавилонским zuqaqīru, встречающимся в надписи на одной печати,— „плеть с крючками на конце“,⁵ не является убедительным, так как абсолютно нет никаких данных о том, что в библейский период применялось подобное орудие для наказания.

Думаю, что мне удалось увидеть у арабов кишлака Джейнау Бешкентского района Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР во время пребывания у них в 1943 г. тот самый предмет, который следует подразумевать под библейским 'aqrab в приведенном выше тексте. Это — деталь недоуздки для верблюда, служащая для посылы животного и носящая название „'aqrab“.⁶

¹ Ephraem Syri Opera omnia. Romae, I, 1737, стр. 471.

² W. Gesenius. Thesaurus philologicus criticus linguae hebraeae et chaldaeae. Lipsiae, II, 1840, стр. 1062.

³ O. Thénius. Die Bücher der Könige. Leipzig, 1849, стр. 180.

⁴ R. Zehnpfund. Zuqaqīru, das Schröpfinstrument der Babylonier. Beitr. zur Assyriol., IV, 1902, стр. 222.

⁵ Там же. См. также: W. Gesenius — F. Buhl. Handwörterbuch über das Alte Testament. Leipzig, 17 Aufl., 1921, s. v.: „Geisseln mit Widerhaken“.

⁶ Любопытно отметить, что для обозначения скорпиона кашкадарьинские арабы употребляют другое слово — 'agīrba (ср. сир.).

Сами арабы говорят об этой детали недоуздка так:

‘aqrab i_núhtat ib‘ir ja‘abrūna.
fi_hálagat ‘aqrab hábil jšiddūn.
il_hábil jğirrūna, ‘aqrab júlduğ,
‘ógub ib‘ir jisir. lájkun, kisir má_
jisir.

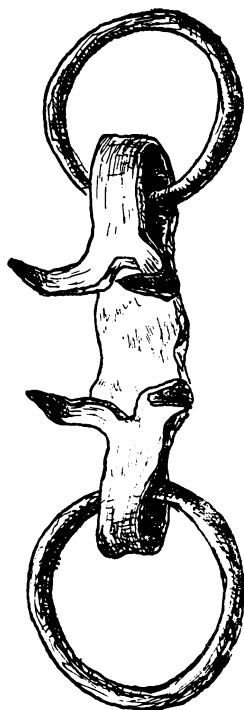
‘aqrab в недоуздок верблюда вдевают. К одному из колец ‘aqrab веревку привязывают. За веревку потянут, ‘aqrab впивается (в тело) — верблюд идет. Без ‘aqrab верблюд долго итти не будет.

Такую же деталь имеет недоуздок для верблюда и у бедуинов gwala в северной Аравии; у них она тоже носит такое же название — aźāreb.¹

В пользу моего предположения могут быть приведены некоторые, как мне кажется, очень веские доказательства.

Приходится удивляться тому, что ученые, пытавшиеся истолковать значение ‘aqrabbīm в приведенном тексте, оставили совершенно без внимания то слово, которому ‘aqrabbīm противопоставляется, а именно šōṭīm — „бичи“. Никто из них, повидимому, не сомневался в том, что бич (šōṭ) являлся орудием для наказания людей. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что дело обстоит далеко не так. Слово šōṭ встречается в Библии 11 раз. В пяти местах (Jes., 10, 26; 28: 15, 18; Job, 5, 21; 9, 23) оно употреблено метафорически. Четыре раза оно встречается в нашем тексте (I Regum, 12: 11, 14; II Chron., 10: 11, 14). Остальные два места следующие: Prov., 26, 3: „Бич (šōṭ) для коня, узда для осла и палка для спины безумных“; Nahum, 3, 2: „(Только и слышишь) хлопанье бича (šōṭ) и стук колес; ржет конь и колесница скачет“. Таким образом мы видим, что там, где слово šōṭ употреблено в своем основном смысле, оно обозначает не орудие для наказания людей, а орудие для посылы животных.²

Но если šōṭ не является орудием для наказания людей, то совершенно естественно, что и ‘aqrab таковым не может являться.

‘aqrab (ок. 2/3 натур. вел.).

¹ Alois Musil. The Manners and Customs of the Rwala Bedouins. New York, 1928, стр. 354, рисунок на стр. 356. Мусил только ничего не говорит о назначении этой детали. См. также: G. Dalman. Arbeit und Sitte in Palästina. Gütersloh. VI, 1939, стр. 376. Последней ссылкой я обязан акад. И. Ю. Крачковскому.

² Когда речь идет о наказании людей, в Библии обычно употребляется слово šēbet (Prov., 10, 13; 13, 24; 22, 8; 26, 3; Job, 9, 34; 21, 9; Threni, 3, 1; Jes., 10, 5; Ps., 2, 9; II Sam., 7, 14), реже — слово matte (Jes., 9, 3; 10: 5, 24).

Далее, и в первой половине стиха („отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше“) употреблено слово 'ōl, которое собственно означает „ярмо — согнутый ствол дерева, который прикрепляется к дышлу и накладывается на шею животных для их запряжки“.¹

Наконец, в Мишне (памятнике, который был закончен составлением во II в. н. э.) сохранилось слово 'aqrab, как я полагаю, в том же значении, что и у современных арабов.

В трактате Kelim 11, 5 встречается выражение: 'aqrab šel rēgūmbējā. Значение слова rēgūmbējā ясно. Это — греч. φορβεία, что значит „недоуздок“. 'aqrab, таким образом, может здесь означать не что иное, как деталь недоуздки. Но какая именно деталь и каково ее назначение? Леви переводит 'aqrab как „изогнутое железо, имеющее форму скорпиона“, а все выражение: „скорпион (σχορπιονειδής) недоуздка (φορβεία) рабочего скота“.² Ястров дает перевод „удила“.³ Дальман переводит: „часть уздечки у лошади“.⁴ Совершенно очевидно, что и Леви, и Ястров, и Дальман переводят здесь 'aqrab только по смыслу, без каких-либо оснований. Трудно допустить, чтобы животному в рот в качестве удила вкладывалось „изогнутое железо, имеющее форму скорпиона“, как это утверждают чисто умозрительно комментаторы (Обадия ди Бертиноро, Маймонид и др.) и лексикографы. Вероятнее всего, что 'aqrab помещали на щеках животного, чтобы, вонзая его при дерганьи а повод в тело, понуждать животное к более быстрому ходу, точно так же, как это делают и по сей день арабы.

Тот, кто видел покрытые ранами и окровавленные из-за применения 'aqrab щеки верблюда и слышал его рев, когда при дерганьи за повод 'aqrab вонзается ему в тело, легко может себе представить то впечатление, которое должна была произвести на израильтян угроза Ровоама.

2. minḥat pittim (Leviticus, 6, 14)

„Мучная жертва“, которую должны были приносить священники, названа в книге Левита (6, 14) minḥat pittim, что означает „приношение мелких кусков“. Повидимому, сдобная лепешка, которую священники приносили в жертву, прежде чем быть сожженной, разламывалась на мелкие куски (см. также там же 2, 6).

Мне кажется, что обычаи арабов Кашка-Дарьинской области подсказывают, где именно надо искать ключ к пониманию приведенной здесь одной из не выясненных до сих пор деталей ритуала жертвопри-

¹ W. Gesenius — F. Buhl. Handwörterbuch, s. v.

² J. Levy. Neuhebräisches und chaldäisches Wörterbuch, s. v. בָּרָוּ.

³ M. Jastrow. A Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic Literature, s. v.

⁴ G. Dalman. Aramäisch-neuhebräisches Wörterbuch, 2 Aufl., 1922, s. v.

ношения у древних евреев. У кашкадарьинских арабов существует обычай, носящий название *hádija*.¹

Сущность этого обычая заключается в следующем:

ādami kasal agar_jiṣṣōr—jō mórta, jō bīnta, jō úmma hádija issíwi. fat húbuz, jō isnēn húbuz i_mazōr itwúdda. i_fug_astána čirōḡ iššá“ el. zijōra issíwi. rōsa túzruba fi_astána. min_ḥawóli salas_nūb titfárr, ṭawōf issíwi. ‘ógub húbuz i_fug_astána gilil-gilil tiksira, i_adamijāt tiḥṭi. i_mínⁱⁿ giddām agar_jiṭla’—tiḥṭi.

Когда человек заболит, то либо его жена, либо его дочь, либо его мать приношение делает. Одну или две лепешки на кладбище относит. На могиле святого светильник зажигает. Руками могилы касается, по лицу проводит. Головой о могилу ударяется. Три раза вокруг могилы ходит, обход совершает. Потом она лепешку на могиле на мелкие куски разламывает, людям раздает: тому, кто встретится, отдает.²

„Мучная жертва“, которую арабская женщина приносила на могиле святого, когда несчастье постигало ее семью, с полным правом могла бы быть названа по библейской терминологии *minḥat pittim* — „приношение мелких кусков“. Но в данном случае смысл разламывания лепешки на мелкие куски представляется совершенно ясным. Арабская женщина воспроизводит у могилы святого обычный при угощении ритуал. Согласно существующему у арабов, равно как и у других народов Востока, обычаю, глава семьи, когда гости или члены семьи усаживаются у скатерти (*dastarḥōn*), берет одну, две или более лепешек (в зависимости от количества людей), разламывает на мелкие куски, которые раскладывает на скатерти перед присутствующими. Не принято, чтобы гость или член семьи сам отламывал себе кусок лепешки. Такой же обычай, повидимому, существовал и у древних евреев. Об этом свидетельствует встречающееся в Библии, когда речь идет об угощении гостей, выражение *pat leḥem* „кусочек лепешки“ (см.: Gen., 18, 5; Jud., 19, 5; I Sam., 28, 22; I Regum, 17, 11).

Первоначально, как можно судить по рассказам стариков, в тех случаях, когда семью или общину постигало несчастье, на могиле того или иного святого устраивалось угощение; лепешки разламывались

¹ Любопытно, что арабск. *hádija* (в классическ. арабск. هدية) „дар“, „дароприношение“, „жертва“ и евр. *minḥa* „дар“, „дароприношение“, „жертва“, „мучное приношение“— слова, этимологически равнозначные: как арабск. *hadija* происходит от глагола *هدى* „вести“, так и евр. *minḥa* происходит от глагола *נחם* „вести“ (см.: F. Perles. *Analekten zur Textkritik des Alten Testaments*. München, 1895, стр. 78).

² Подобный обычай засвидетельствован также и у народов, среди которых арабы живут.

на куски и поедались присутствующими, и лишь несколько кусков оставались на могиле. Впоследствии, когда угощения на могиле перестали устраиваться, лепешки все же разламывали на могиле на куски, которые затем раздавали первым встречным.

3. **rēah niḥōaḥ lējahwe** (Exodus, 29: 18, 25, 41; Leviticus, passim; Numeri, passim)

При описании ритуала жертвоприношения в Библии 37 раз встречается в разных комбинациях выражение **rēaḥ niḥōaḥ lējahwe** „запах, приятный господу“. Так, например, в книге Чисел, 28, 1—2: „И сказал господь Моисею, говоря: Поведи сынам Израилевым и скажи им: наблюдайте, чтобы приношение мое, хлеб мой, в огненную жертву мне, в приятный запах мне, приносить мне в свое время“.¹

В трех случаях это выражение встречается по отношению к идолам: Ez., 6, 13; 16, 19; 20, 28.

Для более полного выяснения отразившейся в приведенном выражении анимистической психологии, можно указать на существующий у кашкадарьинских арабов поминальный обычай, который носит у них название **rīḥa** (букв. „запах“).

ādami agar_jimūt — lējltⁱⁿ ḡúm'a
i_zōka rīḥa jisuwūn: izlēbi fi_dīhin
jīṭpuḥūn, i_morajāt jiḥṭūna. hamēk
isnēn ḡúm'a jisuwūn, 'ógub lējltⁱⁿ id
ramazōn rīḥa jisuwūn, lējltⁱⁿ id qur-
bōn jisuwūn. (rūḥ fi_kūl lējltⁱⁿ ḡúm'a
tīḡi. áuwal fug_gáber tīḡi, 'ógub
fi_béjta tīḡi, tō dah saná hamēk
tīḡi. min_dáh saná 'ógub, i_kūl fat
saná nubtējn tīḡi: lējltⁱⁿ id ramazōn,
lējltⁱⁿ id qurbōn).

Когда человек умирает — в ночь с четверга на пятницу ему делают „запах“: слоеные лепешки в масле жарят, женщин угощают. Так делают в течение двух недель. Затем в ночь праздника разговения „запах“ делают, в ночь праздника жертвоприношений делают. (Душа в ночь на пятницу приходит. Сперва она на могилу приходит, затем к себе домой приходит. Так она в течение десяти лет приходит. После десяти лет она ежегодно приходит два раза: в ночь праздника разговения, в ночь праздника жертвоприношений).

Любопытно отметить, что арабское выражение **i_zōka rīḥa jisuwūn** „ему (т. е. покойнику) делают запах“ почти дословно совпадает с библейским выражением: **la'āšōt rēaḥ niḥōaḥ lējahwe** „чтобы сделать приятный запах господу“ (Numeri, 15, 3).

¹ См.: Gen., 8, 11; Levit., 26, 31; I Sam., 26, 19; Amos, 5, 19; Ez., 20, 41.

4. ḥāmōr leḥem (I Samuelis, 16,20)

Предложенное некоторыми учеными вместо ḥāmōr „осел“ в необычной конструкции ḥāmōr leḥem (I Sam., 16,20) чтение ʿāšārā „десять“¹ легко может быть опровергнуто еще и фактами, взятыми из диалектов среднеазиатских арабов. Так, кашкадарьинские арабы прямо говорят: iḥmōr ḥúbuz, что значит „вьюк хлеба на осла“, т. е. наполненная лепешками переметная сума (ḥurġ), накинутая на осла, а арабы Бухарской области говорят: iḥmōr ḥátab, что значит „вьюк дров на осла“, т. е. количество дров, которое обычно погружают на осла.

Выражение ḥāmōr leḥem повтому лучше переводить „вьюк хлеба на осла“, а не „осел, навьюченный хлебом“.

5. ʿereṣ ġəzēra (Leviticus, 16, 22)

В качестве параллели к встречающемуся один раз в Библии выражению ʿereṣ ġəzēra (кн. Левита, 16, 22), вместо приводимого обычно не вполне соответствующего арабского выражения أرض جرز, можно было бы привести встречающееся в обоих диалектах среднеазиатских арабов (бухарском и кашкадарьинском) слово ġazīga. Словом ġazīga среднеазиатские арабы обозначают „безводную степь“, „пустыню“. Кашкадарьинские арабы так поясняли это слово: čulⁱⁿ ibʿid, čulⁱⁿ kibīr, mīja māmin, šīġar māmin, ġáttīš māmin „далекая степь, большая степь; воды нет, травы нет — ничего нет“. Такое же значение между прочим имеет ġazīga и в иракском диалекте.²

6. Арабск. zahr

Арабские лексикографы приводят под словом zahr „спина“ некоторые выражения, кажущиеся на первый взгляд лишеными смысла.

Так: قُلَانٌ مِنْ وَلَدِ الطَّهْرِ „такой-то из числа потомков со стороны спины“

или هُوَ ابْنُ عَمِّهِ ظَهْرًا „он его кузен (собственно „сын брата его отца“)

со стороны спины“. Толкования, которые даются этим выражениям, касаются лишь их значения и вовсе не затрагивают вопроса об их происхождении и сути. Так, например, автор знаменитого словаря Тадж ал-ʿarūs пишет (VI, 199), что первое выражение относится к человеку, степень родства которого не почитается, а вторым выражением обозначается кузен, находящийся в далеком родстве, и т. д. Но совершенно

¹ См., например: S. R. Driver. Notes on the Hebrew Text of the Books of Samuel. Oxford, 1890; W. Gesenius—E. Kautzsch. Hebräische Grammatik. Leipzig, 27 Aufl., 1902, стр. 423; W. Gesenius—F. Buhl. Handwörterbuch, s. v. קטור.

² См.: B. Meissner. Neuarabische Geschichten aus dem Iraq. Beitr. zur Assyriol. und semit. Sprachwissensch., V, 1, 1903, стр. 116: „ġezīre Wüste“.

неясным остается вопрос, о каком именно родстве здесь идет речь. Непонятно также, откуда взялся термин „со стороны спины“.

Фольклор среднеазиатских арабов позволяет нам выяснить истинный смысл приведенных выше древних выражений. Арабы Средней Азии сохраняют еще воспоминание о существовавшем некогда у арабов, как и у других народов на соответствующей стадии общественного развития, глубокого различия между родством со стороны отца и родством со стороны матери. Они говорят:

min_awlód abū awlód umm qarib.
min_‘ámm hól qarib.

hól fi_ród sábe’ abū kej_mé‘bir
kej_mihtasab; mart hól umm kej_
tihtasab; hólü ki_mót agár ijohída,
dinjetənu tihtaraq.

fat hól i_gó‘at haft abū; mort hól
i_gó‘at umm kejná; ‘ámmi māt, mórta
ohúsa: hólü māt, mórta ana_máqdir
ohúsa.

‘ámm min_zohr mişör, hól min_bátn
mişör. ‘ámm min_‘álam zohr, hól
min_‘álam baṭn.

‘ámmi — zóhar, hólü — bóṭen.

Родственники матери ближе,
чем родственники отца. Брат мате-
ри ближе, чем брат отца.

(Бухарская обл.).

Дядя с материнской стороны стóит
семи отцов; жена дяди с материн-
ской стороны считается матерью;
если кто женится на вдове брата
матери, он оба мира потеряет.

(Бухарская обл.).

Один дядя с материнской стороны
значит то же, что семь отцов;
жена дяди с материнской стороны
то же, что мать; когда умрет мой
дядя с отцовской стороны, я на его
жене могу жениться; когда умрет
мой дядя с материнской стороны,
я на его жене жениться не могу.

(Кашка-Дарьинская обл.).

Брат отца — из спины, брат мате-
ри — из живота. Брат отца — род-
ственник со стороны спины, брат
матери — родственник со стороны
живота.

(Бухарская обл.).

Брат моего отца — спина, брат
‘моей матери — живот.

(Кашка-Дарьинская обл.).

Такой взгляд на родство находится в тесной связи с господствовавшей в древности у арабов материнской системой организации общества.¹

¹ См. об этом: G. A. Wilken. *Das Matriarchat bei den alten Arabern*. Leipzig, 1884; W. Robertson Smith. *Kinship and Marriage in Early Arabia*. Cambridge, 1885; J. Wellhausen. *Die Ehe bei den Arabern*. Nachr. v. der kön. Gesellsch. der Wissenschaft. zu Göttingen, 1893; L. Caetani. *Studi di Storia Orientale*. Milano, III, 1914; см. также нашу работу „Арабы в СССР“ (Сов. этнография, IV, 1940, стр. 18 и сл.).

Этим и объясняется предпочтение, которое отдавалось материнскому родству — „родству со стороны живота“, и пренебрежительное отношение к родству по линии отца, которое в противовес называлось „родством со стороны спины“.

7. Ассиро-вавилонск. *ḥadašatu*

В ассиро-вавилонском языке для обозначения невесты, помимо обычного *kallātu*, в поэтических текстах иногда еще встречается и слово *ḥadašatu*. Это слово до сих пор не имеет удовлетворительного объяснения. Иенсен сопоставляет *ḥadašatu* со встречающимся в Библии один раз собственным именем *Hādassā*: „И был он (т. е. Мардехай) воспитателем Хадассы, она же Эсфирь, дочери дяди его; так как не было у ней ни отца, ни матери“ (*Esther*, 2, 7). Он пишет: „Если в др.-еврейском и арамейском слово *ḥādas* значит мирта, а *ḥādassā* называлась девица Эсфирь — два слова, которые уже давно связывают друг с другом, если, далее, мирта на Востоке (а теперь и на Западе) является символом невесты, то нельзя не признать в слове *ḥadašatu* — невеста мн. число от предположительного *ḥadāšu* — мирта“.¹

Объяснение Иенсена приняли и некоторые другие ассириологи.² Искусственность этого объяснения совершенно очевидна.

Более правильно подошел к объяснению этого слова Перлес. Он писал: „Выражение *kī jiqqaḥ 'iš 'iššā ḥadaša* (*Deut.*, 24, 5) может, вероятно, служить для объяснения встречающегося в поэзии слова для невесты — *ḥadašatu*. (Любопытную параллель представляет испанское *novio* — жених, от *novus*). Вообще др.-еврейскому *שׁוּתָן* соответствует в вавилонском корень *edēšu*, но не исключена возможность существования старой дифференциации. Возможно также, что *ḥadašatu* является древним хананейским заимствованием“.³

Мне кажется, что сделанные нами наблюдения у кашкадарьинских арабов позволяют объяснить слово *ḥadašatu* более удовлетворительным образом. Когда у арабов кишлака Джейнау или Камаша Бешкентского района Кашка-Дарьинской области девушка выйдет замуж, родственники, как и соплеменники вообще, называют ее *ḥadasa*, букв. „новая“. Это название сохраняется за ней до первых родов. Только после того, как у нее родится ребенок, родственники начинают называть ее обычным для невесты термином *kanna*. Сами арабы об этом говорят так: *bint i-zūg ki-anṭūha, ḥadasa jigulūnha; tō tild* „когда девицу выдают

¹ P. Jensen. *Elamitische Eigennamen*. Wiener Zeitschr. für die Kunde des Morgenlandes, VI, 1892, стр. 211.

² См., например: H. Gunkel. *Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit*. Göttingen, 1895, стр. 311; W. Muss-Arnolt. *Assyrisch-englisch-deutsches Handwörterbuch*. Berlin, 1905, s. v.

³ F. Perles. *Babylonisch-biblische Glossen*. *Orientalistische Literaturzeitung*, 8, 1905, стр. 127.

замуж, ее молодежи (букв. „новой“) называют; до тех пор, пока не родит (ее так называют). Термин *ḥādasa*, по всей вероятности, стоит в связи с господствовавшей у арабов в прежнее время полигинической практикой. Повидимому, этим термином первоначально называли только новую жену, а уже впоследствии, когда с оставлением полигинии было утрачено социальное значение термина, им стали называть жену или невесту вообще. Такого же происхождения, полагаю я, и ассиро-вавилонский термин *ḥadašatu*, независимо от того, возник ли он на ассиро-вавилонской почве или же заимствован. Такого же, повидимому, происхождения и выражения *kallā ḥādāšā* („и он обрадовался им словно новой невесте“, *Mo'ed qatan*, 25^b), а также невыясненного до сих пор выражения *kī jiqqaḥ 'is 'iššā ḥādāšā* „если кто возьмет новую жену“ (*Deuteronomium*, 24, 5). Сюда же относится и сирийское *ܟܗܘܠܗ* „невеста“ (букв. „новая“) и мандейское *ܟܗܘܠܗ* „невеста“ (букв. „новая“).¹

¹ См.: Th. Nöldcke. *Mandäische Grammatik*. Halle, 1875, стр. 119.